

ДРАЙЗЕР О СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Книга Драйзера («Драйзер смотрит на Россию») приведет пожалуй в отчаяние всех критиков и в то же время даст обильную пищу одинаково и друзьям и противникам Советской России.

Сперва предположим, что книга попала в руки человека, дружелюбно расположенного к Советской России. Он приступает к чтению и, немало озадаченный первой главой, полной неясностей, делает вывод, что автор всей душой поддерживает его взгляды на Советскую Россию. Но глава вторая, написанная с некоторым юмором, вызывает временами некоторое раздражение, так как невольно напрашивается мысль, что коммунист — слишком серьезная штука и с этим шутить нельзя и уже совершенно некстати примешивать к рассуждениям о коммунизме условия жизни в Москве. Тем не менее читатель, дружелюбно расположенный, повторяю, к Советской России, горячо приветствует третью главу, хотя несколько скучную, являющуюся кратким очерком советов и полную симпатии к последним.

Таким образом обезоруженный читатель, ничего не подозревая, ныряет с головой в следующие три главы и заставляет себя протрудиться их, не впадая в ярость. Тем не менее у него в голове от поры до времени мелькает мысль: как это мелко, ребячески со стороны автора выходить из себя из-за того, что в Советской России недостает комфорта, что там люди не умеют так блестяще работать, как в Америке. И неудивительно поэтому, думает он, что сопровождавшие Драйзера люди говорили ему, что он мог бы с одинаковым успехом остаться дома. Подумать только, размышляет читатель, какие абсурдные заявления, какие дикие философствования, какая несправедливость! Читатель готов отложить книгу в сторону.

Но вот новая глава — «Капитал былой тирании». Это звучит заманчиво, и читатель приступает к новой главе. Не так уж плохо, думает он; правда некоторые замечания автора не мешало бы выкинуть к черту, но в общем глава написана в весьма теплых тонах. Особенно сильное действие на читателя производит описание царского дворца, жизнь бывших царей и безумие царских сподвижников, задумавших начать борьбу с большевиками.

Но что это такое — «Тирания коммунизма»! Что за абсурд! Ведь это не что иное как обвинительный акт против коммунизма. Однако к своему великому удивлению читатель, пройдя страшное описание жутких махинаций руководящей партии, читает: «Те идущие вперед тысячи, которые всем своим существом выражают веру в красную Россию... вот это и есть улучше-

ние расы человеческой в полном смысле этого слова». Но в самом конце Драйзер заканчивает главу: «Кто знает?» Вот этого пропагандисты уже не любят. Пропагандист не должен сомневаться, он должен быть уверен.

Следуют главы о крестьянстве и о пролетариате, — снова автор рассуждает трезво и справедливо. Он вполне дружески отзывается о Советской России. Невольно начинает казаться, что он излил уже все свое раздражение против России и русских и наконец занялся обсуждением менее абстрактных и противоречивых тем. Но

Т. ДРАЙЗЕР

ШАРЖ

право же некоторые из его «Виньеток» представляют собою жуткую картину. И надо сказать, что совершенно несправедливыми и мелочными являются повествования о никудышном водопроводчике в отеле и о маленькой девочке-нищенке в одном из портов Черного моря. Как будто, думает американский читатель, нет лентяев-водопроводчиков в Америке? Как будто мало нищенствующих детей в богатом Нью-Йорке?

Но хвала Аллаху, Драйзер благополучно заканчивает свою книгу: «Случайные размышления» содержат по меньшей мере главную суть всех его рассуждений. Вот несколько фраз из этих «Размышлений»: «... ибо независимо от большевизма в

стране произошли перемены как умственные, так и физические, которые не могут случиться за ночь». Затем: «С помощью коммунизма или коллективного попечения о каждом представляется возможным уничтожить то жуткое ощущение человеческой нищеты, которая до такой степени отразилась на всей моей жизни в Америке...» Далее: «Какое великое дело совершает правительство, ставящее перед собой подобную программу! Можем ли мы похвастаться этим?» И наконец: «Правительство представляет собою коммуну, одну общину. Оно не делает попыток грабить граждан, а наоборот всячески служит им».

Читатель, дружески расположенный к Советской России, закрывает книгу и мысленно благодарит Теодора Драйзера. Но потом... он вспоминает многое из прочитанного и... сыплет на его голову проклятия.

Теперь возьмем противника Советской России или скажем даже человека, не верящего в коммунизм. Он с некоторым подозрением раскрывает книгу, памятуя, что Драйзер как-никак радикал. Но опять-таки он реалист, а в таком случае можно с доверием относиться к тому, что он пишет. Ох, уж эта первая глава! Какая скучища, какая безнадежная путаница! Зато вторая глава ему приходится по душе: в ней много красок, немало юмора, и она отнюдь не дышит симпатией по отношению к большевикам. Он быстро пробегает следующую главу, в которой рассказывается об общих достижениях большевиков, — слышали мы, мол, эту сказку. Но зато с большим удовольствием он читает ту главу, в которой Драйзер трактует темперамент русского человека. Да ведь он (противник Советской России) всегда говорил то же самое о большевиках: сплошная болтовня—и больше ничего! А что вы скажете про удобства езды по русским железным дорогам? Ха-ха-ха! Стоило Драйзеру немного пожаловаться, и радужные хозяева заявили ему: пусть скажет спасибо за то, что его пригласили.

Но как ни странно Драйзер, судя по его следующей главе, вовсе не жаждет поскорее изменить все условия жизни в Советской России. Мало того, он выражает даже надежду, что Россия никогда не станет похожей на Америку. Какое явное противоречие! Но зато он немного погодя утверждает, что: «без коммерческого и политического руководства наиболее высокого порядка едва ли удастся справиться с такой проблемой как прокормление, одевание, воспитание, обеспечение жилищем 150 миллионов народу, уж не говоря о том, что этот народ нуждается также в развлечениях. И для того чтобы заставить людей работать усердно и разумно, требуется немного больше, чем один лишь

марксистский лозунг: «все за одного, один за всех!»

С этим противник советской власти вполне согласен. Он, мол, до сих пор не перестает твердить, что «уничтожение дельца былых времен с его творческим умом и способностью строить дело, при всем его соблюдении собственных интересов, выльется в весьма безразличное и медлительное исполнение обязанностей и едва ли принесет хорошие результаты для всех, кто в этом заинтересован». Этим все сказано, не стоит даже читать дальше. Все же противник советской власти продолжает читать и натывается еще на некоторые перлы:

«Как я ни старался, я не мог понять, как можно сделать людей равными в отношении их умственной значимости».

И Драйзер продолжает свою мысль, доказывая, как скверно эта комическая система отзывается на вопросах прокормления страны, обеспечения жилищем, одеждой и т. п. Но, по обыкновению своему он с точки зрения антибольшевика, все портит, заканчивая главу словами:... «ибо нельзя с другой стороны не принять во внимание...»— следует старый избитый аргумент о том, какое страшное наследство досталось большевикам после войны, гражданской войны, голода и т. д. А вот это, по мнению противника советской власти, совсем уж никуда не годится... «и ничто в мире не заставит меня поверить, что большевики не сделали гигантских шагов к лучшему».

Но зато какое удовольствие нашим врагам читать главу о пропаганде! Как и утверждал всегда читатель-антибольшевик, эти коммунисты в сущности всего лишь маленькая группа пропагандистов, пытающихся силою вдолбить свои идеи в голову русского народа или, что еще хуже, в головы всего мира. Тем не менее Драйзер находит оправдание этому в том, что и капиталистические страны ведут пропаганду против России. Но антибольшевик-читатель снова ликует, взгляните только, какой милитаризм развивается в стране, проповедующей мир! И опять-таки, как правильно рассуждает автор в своей главе «Тирания коммунизма»: «Чем эта тирания лучше в конце концов тирании царской?» Но черт возьми этого Драйзера! — вырывается у него. Он не может обойтись без сантиментальностей в самом конце и обязательно должен вставить несколько слов о виденных им восторженных манифестантах. Но нет, дудки, этим никого не проведешь. Драйзер вечно противоречит себе, думает он, чувствуя все большее и большее раздражение. Ведь казалось бы он сам утверждал только что, что повсюду царит грязь, беспорядок, а тут вдруг в главе о рабочих Драйзер пишет: «...где только мне ни приходилось бывать, повсюду

бросалась в глаза чистота, хорошие дома (последнее слово в смысле современного строительства), а в некоторых случаях и быстрота, с которой проводилась работа. А главное — подумайте только! — после всех своих разглагольствований о нуждах, которые терпят массы, автор смеет утверждать, что: «главной заботой правительства является вопрос об обеспечении народа всем необходимым».

Тем не менее противник советской власти приходит к заключению, что Драйзер полностью подтверждает все то, что он читал в желтой прессе о жизни и об условиях в Советской России. Они живут там совершенно по-скотски, — а тут еще этот ни чорта не стоящий водопроводчик и бедная маленькая девочка, блуждающая одинокая в холодном мире. Ну разве этого не достаточно, чтобы осудить всю систему большевиков. Но, — в отчаянии вырывается в конце концов у антибольшевика, — Драйзер слишком темпераментен! Право, не стоит относиться к нему слишком серьезно. Взойдет солнышко, и он уже весь просиял и думает: «Чорт возьми, какой прекрасный город Москва или Ленинград! Эти русские наверно еще добьются своего!»

Но все-таки антибольшевику-читателю не нравятся заключительные ноты последней главы. Снова этот Драйзер со своим «Кто знает» — когда казалось бы все совершенно ясно для каждого. Он закрывает книгу и мысленно возносит молитву о том, чтобы драйзеровский труд не нашел слишком много читателей.

И все же, несмотря на все свои противоречия, громоздкий стиль и быстро меняющиеся настроения, книга Драйзера прекрасно выражает самого автора. Здесь его философия осталась непоколебимой даже после того, как она прошла через «горн новой философии». «Я неисправимый индивидуалист и таковым помру», говорит он про себя, и мы охотно верим этому. Но надо отдать ему справедливость: он отправился в Россию с открытой душой, дружески настроенный и даже проникнутый надеждами, и его книга вопреки ошеломляющей путанице суждений и впечатлений все же является правдивой летописью переживаний Драйзера.

В нем без сомнения происходила сильная борьба в продолжение тех месяцев, что он колесил по всему Советскому Союзу. Новые теории общественной жизни явились вызовом всем его раз навсегда установленным убеждениям. Забота о благе масс, массовые выступления, массовая жизнь, — все это противопоставлено праву индивидуалиста на борьбу против природы и общества в поисках признания для себя. Драйзер протестует против «выравнивания», которому приходится

во имя общего блага приносить в жертву личность выдающуюся. Несомненно его приводило в ярость то обстоятельство, что в Советском Союзе на передний план проталкивается «мужичье», поглощая собою «сверхчеловека». Он повидимому отказывается верить, что со временем интеллектуальные силы человека еще скажут свое слово в Советской России, что «выравнивание» носит характер материальный, а отнюдь не умственный. Он находится под впечатлением, что коммунизм всячески поддерживает ординарный ум, всеми силами подавляя умы исключительные. Он мельком замечает, что средний ум в общем растет, но тем не менее он не хочет признать, что к этому именно стремится коммунизм. Он даже выражает опасение, как бы честолюбие отдельных лиц не явилось угрозой системе Советов.

Драйзер приехал в Россию больной, вопреки советам врачей, и, объехав в зимнюю стужу Россию вдоль и поперек, он без сомнения пережил много неизбежных лишений. Ему часами приходилось дожидаться поезда на станциях, занесенных снегом, его трясло от холода в нетопленных номерах гостиниц, он терпеливо осматривал фабрики, ясли, школы, музеи, спускался в копи, ездил в отдаленные деревушки, не переставая все время ворчать, спорить и грустно размышлять. Но, очутившись в безопасности и комфорте у себя в Нью-Йорке, он смело выступил на защиту большевиков, когда к нему явился сонм репортеров. И вот наконец появилась его книга «Драйзер смотрит на Россию», написанная тяжеловесным, неуклюжим стилем, со всеми неизбежными для наблюдателя ошибками и противоречиями.

И надо отдать справедливость Драйзеру в том, что он первый осмелился, описывая Советскую Россию, вложить в свои строки немного юмора, но этот юмор брызжет симпатией по отношению к «этим русским». Нельзя не улыбаться, читая его замечания по поводу прославленного примуса. «Вообразите, что на Россию произведена атака и в целях самозащиты все население, вооружившись примусами, устремляется на врага. Вообразите только этот шум, чад и пышущее пламя. Ведь это верная гибель для врагов!»

Американские газеты еще до приезда Драйзера в СССР начали подготавливать общественное мнение к возможности дружественного отношения Драйзера к Советскому Союзу. (Так например одна газета писала, что Советская Россия — страна необыкновенная, а поэтому чтобы о ней ни сообщали — это все соответствует действительности; а поэтому впечатления Драйзера так же будут односторонни и не смогут опровергнуть впечатлений других

лиц.) Несмотря на это общий дружественный тон статей Драйзера был неожиданным для буржуазных кругов, хотя Драйзер и повторял кое в чем обычные выдумки («красный империализм»). Статьи Драйзера почти во всех газетах сопровождалась примечанием, что редакция не несет ответственности за содержание очерков Драйзера, фашистский «Американский легион» выступил с протестами, Миллюков в своем докладе в Нью-Йорке выступил с резкими нападками на Драйзера, обвиняя его в незнакомстве с действительным положением СССР.

Это однако не поколебало значения и влияния книги Драйзера. Тогда газеты прибегнули к последнему — в Америке весьма распространенному способу — обвинению Драйзера в краже материала. Дороти Томпсон, жена Синклера Льюиса, написавшая книгу «Новая Россия», — неоригинальное, бесцветное во многом произведение — обвинила Драйзера в плагиате. Газеты моментально подняли шум, Драйзер был ошеломлен, и книга его дискредитирована. Опубликованные Дороти Томпсон доказательства плагиата свидетельствуют лишь о совпадении отдельных частных характеристик, но ни в коей мере не говорят о том, что Драйзер заимствовал у Томпсон содержание своей книги, резко отличающейся от ее и по стилю и по социальной направленности. Для знакомых с методами работы американских авторов, которым секретари подбирают материал на особых карточках, часто без указания источника и без переделки фраз, понятен тот путь, которым попали в книгу Драйзера отдельные, идентичные с книгой Дороти Томпсон места (подчеркиваем, что их очень много и совпадают они в мелочах, например «город византийской архитектуры» «улицы из бульварника» и т. п.). В обычных условиях это обвинение никакого успеха не имело бы, но при настороженном отношении к Драйзеру этот выпад Дороти Томпсон сразу приобрел скандальную известность. Политический смысл этой кампании против Драйзера очевиден. Когда пишутся эти строки, газеты весьма сбавили тон, но дело сделано — в мозги американцев вбито недоверие к книге Драйзера, пустая книжонка Томпсон получила широкую рекламу.

Р. Канель

Пало-Альта, Калифорния

НОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИРИКА

О появившейся в издании «Реклама» антологии «Молодая немецкая лирика» много говорить не приходится. Можно лишь говорить о поспешном отступлении в область псевдо-романтической поэзии Б а у м-

б а х а, о сдаче всех позиций, отусклом прозябании в пережитках прошлого, о слезливом житье. Никаких экспериментов, только бы итти проторенной дорогой, пребывать в покое и ничем не проявлять своей индивидуальности. (Это мещанское стремление является для них чем-то врожденным.) Все это не имеет ничего общего с молодостью, кроме даты рождения. Я утверждаю: так писать может всякий. Только они, как в данном случае, носятся со своими стихами по свету и возвещают смиренно: «Рекламируя лирику молодых немецких поэтов, эта книга вербует тем самым поклонников лирики вообще». — Этот клуб ничтожеств объединяется лишь скукой и отсутствием дарования. Где Лорбеер, где Гинкель, где Фохте и другие? Брехт относится к тому же поколению. Однако и его не видно. Он на целый век опередил это стадо. Подведем итог: чего же хочет эта «новая молодежь»? Хочет ли она чего-нибудь определенного или ничего не хочет? Да, она хочет: «Я хотел бы быть старинной церковью»...

Пръжок на столетие вперед: мы у О с к а р а К а н е л ь (издан в «Берлинском акционерном издательстве»). Здесь опять дышит легко, здесь приток свежего воздуха! Вот это ободряет! Канель имеет свое лицо. Его можно критиковать. Ясно и твердо, хлестко встает фраза за фразой, четко смонтирована рифма. Сила Канеля в упрощении. Но это упрощение, всегда сознательное и постоянно применяемое, становится опасным. С течением времени оно окостеневаает и превращается в мировую формулу. То, что пролетарий голодает, а толстопузый буржуа бьет баклуши — справедливо лишь условно. Но Канель почти исключительно живет этой «истиной». Буржуа Канеля — праздный толстопузый мещанин — всего лишь часть, относительно небольшая и далеко не самая опасная часть буржуазии. Обобщение этого типа дает карикатуру на буржуазию, но не дает представления о том, какова буржуазия в действительности. К сожалению не все — нам и Канелю в угоду — имеют, как ярлык, сатирическую харю, монокль или жирное брюхо. Канелю непонятны многообразие, вариации и «помеси». Отсюда же его странная установка по отношению к Советской России. Так дешево, как представляется это Канелю, революция не дается. Упрощение, столь значительное и сильное в революционных песнях Канеля, сделавшись схематичным, становится отвлеченным и безжизненным. Перед революционно-пролетарской литературой, — а по отношению к Канелю это следует особенно подчеркнуть, — стоит проблема поставлять не только стопроцентную, химически чистую агитационную поэзию, но особенно же в этот промежуток между двумя револю-